

РЕПРЕЗЕНТАЦИОНАЛИЗМ И ПРИРОДА МЕНТАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ*

Гусев Александр Андреевич – кандидат философских наук, младший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: sanya.cfg@yandex.ru

В работе исследуются репрезентационалистские теории сознания в контексте психофизической проблемы и трудной проблемы сознания. Психофизическая проблема связана с субстанциональным дуализмом, согласно которому существует два независимых вида объектов – физические и ментальные. Для материалистически ориентированной метафизики такой дуализм был неприемлем. Во второй половине XX в. появилась новая версия дуализма – дуализм свойств. Его суть заключается в том, что утверждается не существование ментальных субстанций, а существование феноменальных свойств опыта, нередуцируемых к физическим и функциональным свойствам. Дуализм свойств связывают с трудной проблемой сознания – почему определенные нейрофизиологические процессы сопровождаются качественным переживанием? Проблема натуралистического объяснения феноменальных характеристик опыта стала новой угрозой для натуралистической метафизики. В первой части работы анализируется философский контекст становления когнитивной науки. Показывается, как функционализм и репрезентационализм стали двумя главными философскими позициями, лежащими в основаниях данной дисциплины. Во второй части рассматривается попытка решения психофизической проблемы через натурализацию интенциональности. Демонстрируется, что телеоэмантический репрезентационализм, в рамках которого реализовывался данный натуралистический проект, не способен объяснить феномен ошибочной репрезентации, играющей важнейшую роль для идеи репрезентации как таковой. В заключительной части исследования оценивается попытка ответа на трудную проблему сознания путем сведения феноменального характера опыта к репрезентативному содержанию. Автор показывает, что такая редукция приводит к онтологии с неинстанцированными свойствами и несуществующими объектами, что является крайне нежелательным следствием для физикализма.

Ключевые слова: философия сознания, психофизическая проблема, трудная проблема сознания, сознание, восприятие, квалиа, репрезентационализм, дизъюнктивизм

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00862, <https://rscf.ru/project/23-28-00862/>. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-00862, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00862/>

REPRESENTATIONALISM AND THE NATURE OF MENTAL STATES

Alexander A. Gusev – CSc
in Philosophy, Junior Research
Fellow.
Institute of Philosophy, Russian
Academy of Sciences.
12/1 Goncharnaya Str.,
Moscow 109240,
Russian Federation;
e-mail: sanya.cfg@yandex.ru

The paper explores representationalist theories of mind in the context of the mind-body problem and the hard problem of consciousness. The mind-body problem is related to the substantial dualism, according to which there are two independent types of objects – physical and mental. For a materialistically oriented metaphysics, such a dualism was unacceptable. In the second half of the twentieth century, a new version of dualism appeared – the dualism of properties. Its essence lies in the fact that it is not the existence of mental substances that is affirmed, but the existence of phenomenal properties of experience that are irreducible to physical and functional properties. The dualism of properties is associated with the hard problem of consciousness – why are certain neurophysiological processes accompanied by a qualitative experience? The problem of a naturalistic explanation of the phenomenal characteristics of experience has become a new threat to naturalistic metaphysics. The first part of the work analyzes the philosophical context of the formation of cognitive science. It is shown how functionalism and representationalism became the two main philosophical positions that underlie this discipline. The second part deals with an attempt to solve the mind-body problem through the naturalization of intentionality. It is shown that teleosemantic representationalism, within the framework of which this naturalistic project was implemented, is not able to explain the phenomenon of misrepresentation, which plays a crucial role for the idea of representation as such. The final part of the study evaluates an attempt to answer the hard problem of consciousness by reducing the phenomenal character of experience to representational content. The author demonstrates that such a reduction leads to an ontology with non-instantiated properties and non-existent objects, which is an undesirable consequence for a physicalism.

Keywords: philosophy of mind, mind-body problem, hard problem of consciousness, consciousness, perception, qualia, representationalism, disjunctivism

Введение

В свое время Р. Декарт «разделил» мир на *res cogitans* и *res extensa* – вещи мыслящие и вещи протяженные. Такая позиция стала называться *субстанциональным дуализмом*: в мире существуют две независимые друг от друга субстанции, обладающие набором непересекающихся сущностных свойств. Это породило проблему сознание-тело (the mind-body problem), которая больше известна в отечественной литературе под названием *психофизическая проблема*. Одним из ее проявлений является *проблема ментальной каузальности*: «Каким

образом возможно каузальное взаимодействие между физическими объектами, находящимися во времени и пространстве, и нефизическим сознанием, которое, будучи непротяженным, вообще не находится в пространстве» [Иванов, 2013, с. 14]. Психофизическая проблема стала еще актуальнее в XX в. в связи с расцветом натуралистической парадигмы в философии и *физикализма* как главенствующей метафизической позиции. Согласно физикализму все объекты и свойства мира либо тождественны физическим объектам и физическим свойствам, либо в метафизическом смысле являются зависимыми от них. В монистической онтологии физикалистов нет места для нефизических объектов. Во-первых, такие объекты отсылают к теистической метафизике и к таким сверхъестественным сущностям, как Бог. Во-вторых, наличие таких объектов нарушает принцип каузальной замкнутости физического мира – у физических событий могут быть только физические причины. Философами были предложены различные способы противостояния психофизической проблеме с сохранением натуралистического монизма. Основные позиции по данному вопросу были *логический бихевиоризм, теория тождества сознания-мозга и функционализм*.

Бихевиоризм был одним из главных противников картезианской интуиции в начале XX в., как в психологии, так и философии. Его сторонники подчеркивали внешние поведенческие аспекты психики и отвергали понимание психического как внутреннего приватного состояния субъекта, к которому имеет доступ только он сам. Затем в конце 50-х гг. XX в. в работах Уллина Плейса, Герберта Фейгла и Джона Смарта были предложены основные идеи теории тождества ментальных состояний и нейронных состояний мозга. Можно сказать, что дискуссии вокруг этих идей привели к рождению аналитической философии сознания в полноценной метафизической форме. Сторонники теории тождества не были элиминативистами относительно существования самих явлений ментальной жизни, а просто считали, что эти состояния редуцируемы к физическим состояниям подобно тому, как теплота редуцируема к движению молекул, свет редуцируем к электромагнитным колебаниям и т.д. Ментальные состояния и есть состояния мозга, а не просто коррелируют с его активностью или находятся в причинных отношениях с ним. В середине XX в. начинаются исследования искусственного интеллекта, появляется когнитивная наука – междисциплинарное направление, включающее в себя психологию, лингвистику, нейронауку, теорию искусственного интеллекта, антропологию и философию. Основная идея функционализма как философского основания новой когнитивной парадигмы состояла в том, что ментальные состояния следует отождествлять с их каузальной ролью или функцией, а не с конкретным субстратом, взятым в качестве их реализатора или носителя.

Тем не менее эти проекты со временем пошатнулись под давлением как своих внутренних проблем, выявленных на фоне конкурентной борьбы друг с другом, так и из-за появления новой формы дуализма. В конце века психофизическая проблема получила обновленную формулировку в виде *трудной проблемы сознания* (the hard problem of consciousness) Д. Чалмерса. Почему физические системы порождают сознательный опыт? Почему вообще определенные нейрофизиологические процессы сопровождаются качественным переживанием? Картезианские интуиции продолжили жить в более слабой версии дуализма – *дуализме свойств* (property dualism). Особенность дуализма свойств заключается в том, что утверждается не существование ментальных субстанций как аналогов физических объектов, а лишь наличие особых ментальных свойств. Его сторонники признают, что нет никакой отдельной ментальной субстанции, но зато есть особые ментальные свойства, квалиа (qualia), сопровождающие все сознательные состояния.

Отказ от существования ментальной субстанции не сделал подобный дуализм желанным гостем у натуралистов и физикалистов, особенно когда появились аргументы, показывающие, что такие качественные характеристики ментальных состояний нельзя редуцировать к физическим, функциональным или каким-либо другим свойствам, отличным от ментальных [Чалмерс, 2015; Jackson, 1982; Nagel, 1974]. Таким образом, догма призрака в машине Декарта продолжила окутывать тайной ментальное, делая его ускользающим как от эмпирического изучения в рамках научного метода, так и от априорного философского исследования.

Когнитивная наука и функционализм

В конце 50-х гг. для когнитивистов главной теоретической моделью была универсальная модель машины Тьюринга. Машина Тьюринга – это абстрактная математическая идея, которая описывается машинной таблицей. В общих чертах машинная таблица представляет из себя множество условных высказываний: «Если машина находится в состоянии S и получает сигнал I , то она выдает ответ O и переходит в состояние S' » [Иванов, 2013, с. 52]. Конечно, сейчас никто не считает, что ментальные состояния буквально являются разновидностями машины Тьюринга. Во-первых, инструкции машины не меняются в адаптивном ключе под действиями внешней среды, что, как видится, является важной чертой всех обладателей психики. Во-вторых, существа с психикой могут находиться в нескольких ментальных состояниях одновременно, что нельзя сказать про машину Тьюринга. Тем не менее на заре когнитивной науки доминировал

именно *машинный функционализм* (МФ) Х. Патнэма. Эта идея помогла показать относительную независимость двух уровней описания – описания ментальных состояний как аналога абстрактных состояний машины Тьюринга и описания процессов в мозге как аналога ее физической реализации. Таким образом, если МФ верен, то психофизическая проблема становится псевдопроблемой, поскольку это все равно что создавать особую проблему вокруг взаимодействия процессоров и компьютерных программ, а также онтологического статуса последних. Правда, впоследствии сам Патнэм отказался от МФ, но, как подмечает К. Стерельни, мораль этой истории не практическая, поскольку машины Тьюринга слишком медленные и неудобные для использования, а скорее теоретическая [Sterelny, 1990, p. 37]. Любая задача, для которой существует алгоритм, может быть представлена в терминах машины Тьюринга, а любая сложная ментальная способность, к примеру, счет, может быть сведена к набору более простых процессов, которые сами не являются ментальными. Смотри назад, можно сказать, что философский функционализм во всех его формах не смог выстоять перед градом таких аргументов, как китайская комната Дж. Серля, китайская нация Н. Блока, семейство аргументов от инвертированного спектра и многих других. Тем не менее он помог посмотреть на редукционизм относительно сознания и ментальных состояний под новым углом, через призму идеи вычислимости, реализации и разных уровней описания.

Репрезентационализм

В конце XX в. эстафету в натурализации ментального принимает репрезентационализм, который стал занимать лидирующие позиции как в философии сознания и восприятия, так и в когнитивной науке. В когнитивной науке и научно ориентированной философии сознания репрезентационализм ассоциировался в первую очередь с Дж. Фодором. С одной стороны, Фодор был *нередуктивным физикалистом* – онтологически именно физические объекты и физические свойства являются фундаментальными, даже если мы признаем нередуктивный статус ментальных состояний с эпистемологической точки зрения, к примеру, если частные науки, например психология, окажутся принципиально нередуцируемыми к физике [Fodor, 1974]. С другой стороны, он симпатизировал словарю народной психологии (folk psychology) и был реалистом относительно *интенциональности*. Интенциональность является тем свойством, через которое Ф. Brentano выделял психические феномены как особый вид сущностей. Данное наблюдение позволило ему обосновать статус психологии

как подлинной науки со своим отдельным предметом изучения. Как подметил Brentano:

Любой психический феномен содержит в себе нечто в качестве объекта, хотя и не одинаковым образом. В представлении нечто представляется, в суждении нечто утверждается или отрицается, в любви – любится, в ненависти – ненавидится и т.д. Это интенциональное существование свойственно исключительно психическим феноменам. Никакой физический феномен не демонстрирует ничего подобного. Тем самым мы можем дать дефиницию психическим феноменам, сказав, что это такие феномены, которые интенционально содержат в себе какой-либо предмет [Брентано, 1996, с. 33].

Слишком много мы можем предсказать, опираясь на обыденную психологию и встроенную в нее идею интенциональности. Допустим, вы договорились с другом, что он встретит вас на вокзале в 13:00 в субботу. Вы уверенно едете на поезде, ожидая, что эта встреча состоится, хотя все, что есть у вас на руках, это примитивная закономерность из народной психологии – ваш друг обладает *намерением* встретить вас, и этого достаточно, чтобы ожидать от него конкретных действий, особенно если у вас у самого есть *убеждение*, что его обещаниям стоит доверять. Такие мыслители, как Фодор, полагали, что зрелая научная психология будет учитывать и опыт народной психологии, и идею интенциональности, дав каузальное объяснение того, как интенциональные состояния, обладающие значением, будут приводить к наблюдаемым действиям и другим ментальным состояниям. Как указывает Д. Папино, сосредоточившись на изучении внутренней причинной роли ментальных репрезентаций, механического взаимодействия между *носителями репрезентаций* (vehicles of representation), сторонники репрезентационализма Фодора игнорировали саму природу репрезентации, принимая идею о репрезентативной или интенциональной природе ментального как данность [Parineau, 2021, p. 46–47].

Не случайно дальнейшее обсуждение репрезентационализма в рамках аналитической философии сдвинулось в сторону исследования более фундаментальных вопросов, связанных с обоснованием самой идеи репрезентациональности ментального. Репрезентационалисты пытались показать, что все ментальные состояния по сути являются различными вариациями *пропозициональных установок* (propositional attitudes). Они всегда направлены на содержание в виде пропозиции, которая репрезентирует внешние по отношению к ментальному состоянию положения дел. Парадигмальным примером пропозициональной установки является *убеждение* (belief). Субъект имеет убеждение *Москва – столица России*, когда он интенционально направлен в модусе убежденности на пропозицию «Москва – столица России», репрезентирующую факт внешнего мира. Пропозиция

вносит в эту картину семантический аспект через условия точности (*accuracy conditions*). Поскольку пропозиции могут быть истинными или ложными, постольку и убеждение, имеющее содержание в виде пропозиции, может быть истинным или ложным, точным или неточным. Очевидно, что убеждение нашего субъекта истинно, поскольку Москва действительно является столицей России. Еще одно важное свойство интенциональности заключается в том, что субъект может иметь интенциональное отношение к содержанию, которое не отправляет к реально существующим объектам: «Диоген мог бы искать честного человека, даже если бы не существовало честных людей» [Chisolm, 1952, p. 169]. Таким образом, я попробую сформулировать набор наиболее универсальных тезисов, которые, в первом приближении, можно считать ядром философского репрезентационализма.

- 1) Все ментальные состояния интенциональны.
- 2) Все ментальные состояния обладают содержанием и условиями точности.
- 3) Ментальные состояния могут ошибочно репрезентировать окружающий мир или внутренние состояния субъекта.
- 4) Ментальные состояния могут репрезентировать несуществующие объекты, свойства и отношения.

Вооружившись этими тезисами, репрезентационалист может попытаться решить проблемы, поставленные Декартом и Чалмерсом. Психофизическая проблема устраняется указанием на то, что ментальные состояния стоит понимать как подкласс естественных репрезентаций. Кроме того, он может добавить в эту картину эволюционный сюжет и телеологическое объяснение. Нет никакого подлинного онтологического разделения между ментальным и физическим, просто у наших тел есть особые свойства для отслеживания объектов и свойств окружающего мира, которыми мы обзавелись в процессе эволюции [Millikan, 1987; Dretske, 1986; Neander, 1995]. Трудная проблема сознания решается обоснованием того, что феноменальный характер опыта – это просто особый вид репрезентаций. Сам по себе опыт не обладает внутренними нередуцируемыми свойствами, он лишь репрезентирует что-то внешнее – красноту яблока, его круглую форму, вкус, твердость и т.д. [Harman, 1990; Tye, 1995; Tye, 2000].

Натурализация интенциональности

Как правило, натурализация интенциональности реализовывалась в репрезентационалистских теориях, опирающихся на идею корреляции между свойствами внутренних носителей (*vehicles*) ментальных репрезентаций и условиями окружающей среды. В фодоровском подходе внимание концентрировалось на роли ментальных репрезентаций

именно во внутренней обработке данных, а также каузальной связи между репрезентациями и поведением субъекта. Репрезентативный уровень объяснения считался независимым от нейронного в том смысле, что о нем можно теоретизировать отдельно, не рассматривая факты о нейронной реализации как существенные, что совместимо с тем, что носителями ментальных репрезентаций являются физические партикулярии в виде определенных состояний в мозге. Однако это сталкивает репрезентационалистов со следующим возражением. По всей видимости, каузальное объяснение поведения в такой модели не требует идеи репрезентации. Как подмечает Папино «Если два состояния мозга вызывают еще одно состояние мозга, которое заставляет мою ногу двигаться, то нельзя ли указать, как работает этот процесс, вообще не ссылаясь на репрезентации?» [Papineau, 2021, p. 47].

Подобное возражение учитывается в другом типе репрезентационалистских теорий, которые обычно объединяют под зонтичным термином «телеосемантические». В данном подходе делается акцент на *потребителе* (consumer) ментальных репрезентаций и именно взаимодействие со внешней средой является ключевой идеей. Репрезентация является для потребителя заменой некоторого внешнего положения дел, к которому он не имеет прямого доступа.

«Идея заключается не в том, что потребитель читает или интерпретирует репрезентацию, а в том, что он определенным образом реагирует на промежуточное состояние. Например, медоносные пчелы-потребители наблюдают за танцами прилетающих пчел, чтобы определить, где находится нектар» [Shea, 2018, p. 15].

В случае с пчелами мы имеем дело с открытой репрезентацией, но когда речь идет о более привычных для нас ментальных состояниях, например о восприятии или убеждениях, то репрезентация – это внутреннее состояние, а потребителем является подсистема внутри организма. Телеосемантический подход вводит в репрезентационализм эволюционный фактор. К примеру, для Р. Милликана содержанием репрезентации является условие, при котором поведение потребителя, побуждаемое репрезентацией, будет успешным с точки зрения эволюции, т.е. будет способствовать выживанию и размножению.

Проблемы телеосемантического подхода

Данная модель выглядит правдоподобной, когда речь идет об открытых репрезентациях в животном мире, но так ли она хороша для более сложных случаев? В свете упомянутой ранее психофизической проблемы репрезентационалист должен каким-то образом придерживаться физикалистской онтологии – существуют только физические партикулярии и физические свойства. Тем не менее Н. Шей

обращает внимание на то, что состояния мозга плохо подходят на роль потребителя, поскольку очень трудно найти принципиальный способ для их идентификации [Shea, 2018, p. 19]. Когда речь идет об обычных случаях, то поведение зависит от взаимодействия нескольких различных репрезентативных систем и не требуется особой идентифицируемой подсистемы, которая принимает этот набор репрезентаций в качестве входных данных, производя поведение в качестве выходных данных. Репрезентационалисты могли бы пойти другим путем, апеллируя к тому, что пользователем репрезентации является не досознательная когнитивная подсистема в организме, а сам сознательный субъект. Такие разновидности репрезентационализма сталкиваются с проблемой, на которую указал Ч. Трэвис в своей работе “The Silence of the Senses” [Travis, 2004]. В основании позиции его оппонентов лежит следующая идея. Каждый образец перцептивного состояния обладает определенным и единичным содержанием, которое субъект способен распознать через сам опыт «как бы на первый взгляд» (at face value). Но, как показал Трэвис, данные положения несовместимы: либо перцептивный опыт не обладает единичным и определенным содержанием, либо субъект распознает его не через сам опыт, а через дополнительные когнитивные процедуры. Если сторонники телеосемантического репрезентационализма хотят «переместить» пользователя содержания с субличностного уровня бессознательной когнитивной системы на уровень сознательного субъекта, то они должны показать, каким образом репрезентативное содержание проявляется в сознательном опыте субъекта. Такой репрезентационализм сталкивается с классическими проблемами экстернализма относительно ментального содержания. Кажется правдоподобным, что мы обладаем интроспективным априорным знанием о наших собственных ментальных состояниях. Но если содержание опыта определяется отношением субъекта к среде, как показывают знаменитые аргументы Х. Патнэма и Т. Берджа, то субъекту может понадобиться эмпирическое исследование для обладания такого простого, как кажется на первый взгляд, знания о себе. Таким образом, простого указания на то, что какой-то внешний эволюционно значимый фактор является содержанием, недостаточно для того, чтобы объяснить даже иллюзию привилегированного доступа к содержанию опыта у людей.

Другая проблема для телеологического репрезентационализма связана с тем, что он не может объяснить существования *искаженной или ошибочной репрезентации* (misrepresentation). Само понятие репрезентации бессмысленно без понятия ошибочной репрезентации, так же как понятие истины бессмысленно без понятия лжи. Корень проблемы лежит в идее биологической функции [Neander, 1995]. Под функцией обычно подразумевается эффект, для которого была выбрана определенная характеристика путем естественного отбора.

Разберем пример с лягушкой, которая реагирует на все достаточно маленькое, темное и проходящее мимо ее сетчатки, выстреливая языком и заглатывая добычу. Проксимальный стимул – это определенный образ на сетчатке, который попадает в пределы определенных параметров, соответствующий определенному размеру, форме и движению. Дистальный стимул находится в среде, в которой развивалась лягушка, как правило, это муха. Тем не менее эти лягушки будут реагировать не только на мух, но и на другие похожие объекты. Назовем репрезентацию цели лягушки *R*. Предположим, что лягушка реагирует на проносящуюся мимо пчелу. Является ли это содержанием *R* или это будет искажением *R*, а именно ошибочной репрезентацией? Стандартный телеосемантический подход выбирает более высокий уровень описания, связанный с чертой, которая привела к выживанию предков, – содержанием будет муха. Когда лягушка реагирует на муху, то условия точности содержания выполняются и репрезентация точна, а когда на другой похожий объект, то это ошибочная репрезентация. Но если мы действительно будем последовательны и учтем эволюционный фактор, то мы можем прийти к странным следствиям.

На примере журчалок (семейство двукрылых насекомых из подотряда короткоусых) видны проблемы данной стратегии. Самец журчалки, как и лягушка, не очень разборчив в выборе целей для спаривания. Крупные удаленные объекты, птицы и даже реактивные самолеты могут вызвать у него любовные инстинкты. Самцы журчалок соблюдают правило «если увидишь самку, поймай ее», потому что только самки журчалок, а не птицы или реактивные самолеты, на самом деле каузально способствовали распространению его предков. Но, замечает Ниандер: «Спросите себя, какие особенности окружающей среды на самом деле отслеживали предки журчалок в каждом и только в тех случаях, когда журчалки вносили реальный вклад в генофонд будущих поколений? Очевидно, это должна была быть самка журчалки, а не птица или реактивный самолет» [Neander, 1995, p. 126]. Эту мысль можно довести до ее логического предела. Ведь только оплодотворенные самки журчалок, что смогли отложить яйца, из которых вылуплялись жизнеспособные потомки, были действительно каузально-эффективными. Но тогда из телеологического подхода следует, что журчалка ошибочно репрезентирует, даже когда она преследует бесплодную самку или ту, которая не сможет дать потомство, поскольку станет обедом летучей мыши или птицы.

Допустим, что мы идем другим путем и выбираем самый низкий уровень описания. Пока лягушка реагирует на маленький, темный, летающий объект, репрезентация является правильной. Но из этого следует, что когда она реагирует, к примеру, на пчелу, то здесь нет ошибки, поскольку пчела подходит под содержание репрезентации, иначе механизм лягушки не среагировал бы на ее приближение.

Тогда как в принципе мы сможем ввести в нашу модель дистинкцию правильной/неправильной репрезентации, если само срабатывание механизма лягушки уже говорит о наличии правильной репрезентации? Кажется, что в таком подходе к анализу ошибка становится невозможной. Эта проблема естественных знаков, на которую указал Ф. Дретске, – хотя естественные знаки и могут что-то репрезентировать, но они не подходят для идеи ошибочной репрезентации (*misrepresentation*), поскольку либо они выполняют свою работу правильно, либо они не срабатывают вовсе [Dretske, 1986, p. 20]. Ниандер предлагает найти решение в апелляции к случаям реального дисфункционирования рассматриваемого механизма лягушки. К примеру, если у нее поврежден мозг, она заражена каким-то вирусом и т.д. Этот ход является проблематичным, если телеосемантик захочет распространить свою теорию и на людские когнитивные процессы. Люди могут ошибочно репрезентировать окружающий мир, даже если их когнитивные функции работают правильно, выходя при этом за рамки физически измеряемых параметров окружающей среды [Neader, 1995, p. 132]. Возьмем пример Фодора, в котором субъект с большого расстояния ошибочно принимает исхудавшую корову за лошадь. Когнитивная система субъекта работает правильно на всех уровнях и кажется, что его ошибка выходит за пределы измеряемых физических параметров. Правдоподобное объяснение заключается в том, что ошибка происходит не на уровне сенсорных данных перцептивного опыта, а на уровне умозаключения, когда субъект подключает фоновое знание для интерпретации этой ситуации. На мой взгляд, такой вывод ставит репрезентационалистов в затруднительное положение, поскольку тогда сама идея репрезентационной природы перцептивного опыта ставится под сомнение. Как подметил уже упомянутый ранее Трэвис: «Восприятие сбивает меня с пути лишь там, где я сужу ошибочно, не сумев разглядеть то, с чем я сталкиваюсь, таким, какое оно есть. <...> Если это единственная точка, в которой возникает такая возможность, то в восприятии нет места для репрезентации...» [Travis, 2004, p. 65].

Мной было продемонстрировано, что телеосемантический репрезентационализм, являющийся одним из главных представителей проекта по натурализации интенциональности, сталкивается с рядом серьезных трудностей, как эмпирического характера, так и чисто концептуального. Таким образом, решение психофизической проблемы через репрезентационалистский подход является неудовлетворительным, так же как в случае с бихевиоризмом, теорией тождества и функционализмом.

Феноменальный характер и репрезентативное содержание

Репрезентационализм сталкивается с проблемами не только при объяснении ментального содержания, но и при объяснении феноменального характера опыта. Трудная проблема исходит из реализма относительно феноменального характера опыта. Как подметил в свое время Т. Нагель [Nagel, 1974], для каждого сознательного состояния есть нечто, выражающее то, каково это – находиться в данном ментальном состоянии. В литературе существуют споры, связанные с тем, можно ли отождествить понятие «феноменальный характер опыта» (phenomenal character of experience) с понятием «квалиа» (qualia) [Frankish, 2012].

Можно сказать, что феноменальный характер сознательного опыта – это более нейтральное понятие, в то время как квалиа является метафизически нагруженным термином, подразумевающим конкретную онтологию – упомянутый ранее дуализм свойств. В этом есть смысл, поскольку можно быть реалистом относительно феноменального характера и отрицать существование квалиа, не впадая при этом в явное противоречие [Гусев, 2021]. Сложно спорить с тем, что у сознательных ментальных состояний есть какой-то качественный аспект, которым просто нужно обладать, чтобы понять, о чем идет речь. По моему мнению, обращение внимания на феноменальный характер как на объект исследования должно быть общей стартовой позицией для философа сознания, но то, как каждый конкретный философ будет объяснять этот феномен, может отличаться. Бихевиорист сведет все к поведению и диспозициям, теоретик тождества к свойствам мозга, а функционалист покажет, что нет ничего, кроме функциональной роли, которую реализуют разные физические носители. А вот сторонники квалиа-реализма будут утверждать, что опыт имеет данный качественный аспект в силу того, что он обладает квалиа, которые (а) внутренне присущи (intrinsic) ему, невыразимы (ineffable), приватны (private) и непосредственно (directly) схватываемы субъектом в самом опыте [Dennet, 1997]. Особого пояснения требует термин «внутренняя присущность». Он отсылает к дискуссиям вокруг дистинкции внутренние/внешние свойства (intrinsic/extrinsic), где под «внешним свойством» подразумевается его реляционность. Парадигмальный пример внешнего свойства в таком смысле – это такие реляционные свойства, как «быть отцом», «быть высоким» и т.д. Понятно, что наличие этого свойства определяется через отношение объекта с какой-то другой сущностью – без наличия сына невозможно быть отцом, без существования других субъектов, относительно которых будет оцениваться рост, невозможно быть высоким. Внутренняя присущность квалиа означает, что их наличие

у опыта в существенном смысле не зависит от отношений с другими объектами и свойствами, к примеру, от физических и функциональных свойств организма, от поведения, других ментальных состояний. Это неочевидная идея, которая обычно обосновывается через такие мысленные эксперименты, как аргумент возможности инвертированного спектра, аргумент от отсутствия квалиа и др. Их суть заключается в том, чтобы описать логически непротиворечивую ситуацию, в которой субъекты с одинаковыми физическими, функциональными и поведенческими свойствами все же отличаются в феноменальных свойствах опыта – в квалиа. Если квалиа-реалисты правы, то феноменальный характер действительно не может быть сведен к чему-то физическому, а дуализм свойств побеждает физикализм и натурализм.

Отличие репрезентационализма от бихевиоризма, функционализма и теории тождества в том, что некоторые его сторонники попытались использовать интроспективный анализ для поддержки своей позиции, а также опровержения дуализма свойств. Например, Г. Харман вернул старую идею Дж.Э. Мура о прозрачности опыта (*transparency of experience*): «Посмотрите на дерево и попробуйте направить свое внимание на внутренне присущие свойства вашего визуального опыта. Я предсказываю, вы обнаружите, что внимание можно направить только на свойства представленного дерева...» [Harman, 1990, p. 39]. В похожем ключе действовал другой репрезентационалист, М. Тай: «Обращая свой разум внутрь, чтобы сосредоточить внимание на своем опыте, в конечном счете вы сосредоточиваетесь на том, что было изначально – на внешних характеристиках или свойствах» [Tye, 1995, p. 30].

Аргумент от прозрачности показывает, что когда мы пытаемся «найти» квалиа, понятия как особые внутренние свойства самого опыта, то мы не находим ничего, кроме свойств объектов, – опыт словно «прозрачен». Но что насчет феноменального характера опыта? Тай полагает, что феноменальный характер не является внутренним свойством опыта и редуцируется к репрезентативному содержанию особого рода: «Осознавая внешние качества, вы осознаете, каково это для вас. Это, конечно, не означает, что вы делаете вывод о феноменальном характере своего опыта на основе осознания внешних качеств. Очевидно, что никакие рассуждения здесь ни при чем» [Tye, 2000, p. 47]. Другими словами, посредством обращения к свойствам внешних объектов субъект в автоматическом ключе осознает наличие феноменального характера. Но это не осознание какого-то внутреннего свойства опыта, а скорее осознание факта о том (*awareness-that*), что в опыте присутствуют внешние объекты с определенными свойствами, благодаря которым он имеет такой феноменальный характер.

На мой взгляд, Харман и Тай правы в том, что аргумент от прозрачности создает проблемы для квалиа-реализма. По крайней мере,

он ставит под сомнение, что понятие «квалиа» отсылает к свойствам с простой эпистемической природой. Но не стоит торопиться с отождествлением феноменального характера сознательного опыта с репрезентативным содержанием. Начнем с того, что сам тезис прозрачности не говорит ничего конкретного об онтологическом статусе объектов опыта и метафизической природе восприятия как такового. Он говорит лишь, что объекты опыта воспринимаются как «что-то внешнее» по отношению к опыту, но из этого еще не следует, что эти объекты материальны и являются частью содержания опыта. Даже если мы феноменалисты, то мы все равно можем считать идеи внешних объектов чем-то внешним по отношению к сознанию. В одном месте Харман, по сути, утверждает, что сама интроспекция склоняет нас к принятию репрезентационализма: «Это означает осознание интенциональной особенности ее опыта; она *осведомлена* о том, что ее опыт имеет определенное содержание» [Harman, 1990, p. 38]. С таким же успехом тезис прозрачности можно использовать для поддержки и прямого реализма [Martin, 2002] – основного конкурента репрезентационализма в современных дискуссиях в философии восприятия. Собираательная формулировка прямого реализма может быть представлена следующим образом.

Прямой реализм: во всех случаях перцептивного опыта субъект состоит в непосредственных отношениях знакомства (*acquaintance*) с независимыми в своем существовании от разума материальными партикуляриями и их свойствами: цветом, формой, пространственным расположением и т.д. Феноменальный характер опыта определяется отношением знакомства с данными объектами и их свойствами.

Как подмечает Тай, отождествление феноменального характера с содержанием является лишь гипотезой, которая поддерживается ее объяснительной силой. Во-первых, феноменальный характер зависит от воспринимаемых объектов и их свойств, поскольку если они меняются, то, каково находится в этом ментальном состоянии, тоже меняется. Он указывает, что и содержание опыта меняется, ведь в таком случае состояния репрезентируют разные объекты с разными свойствами. Тем не менее прямой реализм также способен объяснить эту зависимость, поскольку исходит из общей с репрезентационализмом идеи прозрачности опыта. Во-вторых, гипотеза Тая проясняет, почему опыт с визуальными иллюзиями и галлюцинациями обладает феноменальным характером. Поскольку содержание является общим элементом как для достоверного опыта, так и для иллюзий с галлюцинациями, постольку и иллюзии с галлюцинациями могут обладать феноменальным характером. Но если мы апеллируем к идее интенциональности и признаем, что опыт может обладать содержанием, даже если его объекты не существуют, то это создает следующие трудности.

Допустим, что субъект переживает галлюцинаторный опыт с красным яблоком. Свойство красноты не воплощается в яблоке, оно

не находится в мозге субъекта и не является свойством самого опыта. (Последнее особенно важно, иначе репрезентационализм коллапсирует к разновидности квалиа-реализма.) Другими словами, свойство красноты представлено субъекту, даже когда оно неинстанцировано (*non-instantiated*). Каким-то образом разум тянется и ухватывает само свойство красноты, в абстракции от всякого воплощения в мире [Rapineau, 2021, p. 62]. Репрезентационалист может апеллировать к интенциональным объектам, что именно они инстанцируют это свойство. Данный ход создает еще больше трудностей, поскольку, как замечает Д.В. Иванов: «По сути мы принимаем особую, мейнонгианскую по духу, онтологию несуществующих объектов. Согласно такой онтологии, во множестве реальных объектов мы можем выделить подмножество существующих и подмножество несуществующих объектов» [Иванов, 2013, с. 208]. Учитывая, что репрезентационализм обычно ассоциируется с проектом по натурализации ментального, то указанные следствия становятся серьезной проблемой. Принятие редуктивного репрезентационализма Тая и Хармана приводит нас к онтологии, где есть неинстанцированные свойства (по сути универсалии) и несуществующие объекты. Более того, эти абстрактные сущности каким-то образом могут каузально влиять на физическое тело субъекта. На мой взгляд, это сомнительная альтернатива дуализму свойств. Действительно, дуализм свойств хотя бы не утверждает существование нефизических партикулярий и неинстанцированных свойств.

Для прямых реалистов проблема галлюцинации тоже создает трудности. Если в достоверном опыте феноменальный характер объясняется отношением знакомства или осведмленности (*awareness*) со свойствами окружающих материальных объектов, то как возможно то, что галлюцинаторный опыт, не имеющий объекта по определению, обладает феноменальным характером. Как правило, в связи с данной проблемой прямые реалисты обращаются к дизъюнктивному анализу перцептивного опыта, согласно которому достоверный опыт и галлюцинаторный опыт фундаментально отличаются по своей метафизической природе. Сторонники позитивного дизъюнктивизма пытаются предоставить концепцию галлюцинаций в независимых от прямого реализма и достоверного опыта терминах. Например, через апелляцию к репрезентативному содержанию или чувственным данным (*sense data*). Более перспективным вариантом является негативный дизъюнктивизм М. Мартина [Martin, 2004]. В отличие от позитивного дизъюнктивизма он не сталкивается с проблемой *объяснительного отсеивания* (*explanatory screening off*) – если галлюцинаторный опыт может быть объяснен через чувственные данные или репрезентативное содержание, то тогда объяснение достоверного опыта в терминах прямого реализма становится избыточным. Поскольку галлюцинации внутренне неотличимы от восприятия, постольку и объяснительная схема

галлюцинаторного опыта распространяется на достоверный опыт. Чтобы избежать данного следствия, Мартин характеризует галлюцинаторный опыт через негативное эпистемическое свойство *быть неотличимым от восприятия*. Субъект обладает феноменальным характером, имеет такие убеждения об окружающей среде, проявляет такое поведение, поскольку испытывает галлюцинацию, неотличимую от аналогичного восприятия. У обоих подходов есть свои недостатки, но, на мой взгляд, положение дизъюнктивизма в контексте объяснения феноменального характера не хуже, чем у репрезентационализма.

Заключение

Как было продемонстрировано, натурализация ментальных состояний через апелляцию к идее интенциональности создала для физикализма только новые трудности. Телеосемантический репрезентационализм не способен ухватить идею репрезентации в полной мере, поскольку не может дать объяснения феномену ошибочной репрезентации. Объяснение феноменального характера опыта через сведение его к содержанию также можно признать неудовлетворительным. Сама идея репрезентативного содержания в конечном итоге приводит к сомнительным метафизическим следствиям, на фоне которых даже дуализм свойств выглядит как натуралистическая программа.

Список литературы

Гусев, 2021 – Гусев А.А. Квалиа-реализм и репрезентационализм // Философия науки и техники. 2021. Т. 26. № 1. С. 107–121.

Иванов, 2013 – Иванов Д.В. Природа феноменального сознания. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 240 с.

Чалмерс, 2015 – Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории. М.: Либроком, 2015. 512 с.

Брентано, 1996 – Брентано Ф. Избранные работы / Сост., пер. с нем. В. Анашвили. М.: Дом интеллектуальной книги: Русское феноменологическое общество, 1996. 176 с.

References

Brentano, F. *Izbrannyye raboty* [Selected Works], trans. by V. Anashvili. Moscow: Dom intellektual'noy knigi, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1996, 176 pp. (Trans. into Russian)

Chalmers, D. *Soznajushhij um. V poiskah fundamental'noj teorii* [The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory], trans. by Moscow: Librokom Publ., 2015, 512 pp. (Trans. into Russian)

Dennet, 1997 – Dennett, D. “Quining Qualia”, in: N. Block, O. Flanagan, G. Guzuldere (ed.) *The Nature of Consciousness*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1997, pp. 619–642.

Dretske, 1986 – Dretske, F. “Misrepresentation”, in R. Bogdan (ed.) *Belief: Form, Content and Function*. New York: Oxford University Press, 1986, pp. 17–36.

Fish, 2009 – Fish, W. *Perception, Hallucination, and Illusion*. Oxford: Oxford University Press, 2009, 208 pp.

Fodor, 1974 – Fodor, J. “Special Sciences, or the Disunity of Science as a Working Hypothesis”, *Synthese*, 1974, vol. 28. no. 2, pp. 97–115.

Frankish, 2012 – Frankish, K. “Quining diet qualia”, *Consciousness and Cognition*, 2012, vol. 21, no. 2, pp. 667–676.

Gusev, A.A. “Kvalia-realizm i reprezentacionalizm” [Qualia Realism and Representationalism], *Philosophy of Science and Technology*, 2021, No. 1 (26), pp. 107–121. (In Russian)

Harman, 1990 – Harman, G. “The Intrinsic Quality of Experience”, *Philosophical Perspectives*, 1990, vol. 4, pp. 31–52.

Ivanov, D.V. *Priroda fenomenal'nogo soznaniya*. [The Nature of Phenomenal Consciousness]. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM» Publ., 2013, 240 pp. (In Russian)

Jackson, 1982 – Jackson, F. “Epiphenomenal Qualia”, *Philosophical Quarterly*, 1982, vol. 32, no. 127, pp. 127–136.

Martin, 2004 – Martin, M.G.F. “The Limits of Self-Awareness”, *Philosophical Studies*, 2004, vol. 120, no. 1/3, pp. 37–89.

Martin, 2002 – Martin, M.G.F. “The Transparency of Experience”, *Mind and Language*, 2002, vol. 17, no. 4, pp. 376–425.

Millikan, 1987 – Millikan, R. *Language, Thought, and Other Biological Categories: New Foundations for Realism*. Cambridge, MA: MIT Press, 1987, 367 pp.

Nagel, 1974 – Nagel, T. “What Is It like to Be a Bat?”, *Philosophical Review*, 1974, vol. 83 (October), pp. 435–450.

Neander, 1995 – Neander, K. “Malfunctioning and Misrepresenting”, *Philosophical Studies*, 1995, vol. 79, no. 2, pp. 109–141.

Papineau, 2021 – Papineau, D. *The Metaphysics of Sensory Experience*. Oxford: Oxford University Press, 2021, 163 pp.

Shea, 2018 – Shea, N. *Representation in Cognitive Science*. Oxford: Oxford University Press, 2018, 292 pp.

Sterelny, 1990 – Sterelny, K. *The Representational Theory of Mind: An Introduction*. Cambridge, Mass., USA: Blackwell, 1990, 253 pp.

Tye, 1995 – Tye, M. *Ten Problems of Consciousness*. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1995, 248 pp.

Tye, 2000 – Tye, M. *Consciousness, Color, and Content*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2000, 198 pp.